

УДК 327:94(5-191.2)

ПОПЫТКИ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ИНТЕГРИРОВАТЬСЯ В МИРОВУЮ СИСТЕМУ НА РАННИХ ЭТАПАХ НЕЗАВИСИМОСТИ

И.А. Сафранчук, А.Т. Исаматова

Рассматриваются особенности мировой системы к моменту распада Советского Союза и ранние попытки стран Центральной Азии интегрироваться в нее, а также причины ограниченной успешности таких попыток.

Ключевые слова: Центральная Азия; мировая система; США; внешняя политика; контртерроризм; контрповстанчество.

ATTEMPTS OF THE CENTRAL ASIA COUNTRIES TO INTEGRATE INTO WORLD SYSTEM ON EARLY STAGES OF INDEPENDENCE

I.A. Safranchuk, A.T. Isamatova

The article reviews major characteristics of global system at the time of the Soviet Union dissolution, and the attempts of the Central Asia states to integrate into that system, as well as limited success of those attempts.

Keywords: Central Asia; global system; the United States; foreign policy; counterterrorism; counter insurgency.

В начале 1990-х гг. элиты бывшего Советского Союза, в странах Центральной Азии в том числе, надеялись и даже были уверены, что с завершением холодной войны новые независимые государства на основе унаследованного от советского периода потенциала вольются в мировую экономику на выгодных для них условиях. Некоторые даже рассчитывали занять промышленно-технологическую и научную ниши. Ожидалось, что для этого достаточно будет провести форсированные внутренние реформы, иногда с опорой на помощь Запада. В тот период были распространены разговоры о том, что страны Центральной Азии могут быстро повторить путь “четырёх азиатских тигров” (Гонконг, Сингапур, Южная Корея и Тайвань) и занять даже более достойное место в мировой системе, поскольку у них был советский научно-технический задел, квалифицированная рабочая сила, научные кадры и расположенные в регионе природные ресурсы. Казалось, что все это станет весомыми аргументами для переноса в регион производств крупными западными компаниями.

Однако вскоре стало понятно, что такие расчеты были идеалистичными. Все страны постсоветского пространства погрузились в глубокий социально-экономический кризис.

Советский Союз был проигравшей стороной в холодной войне, и это накладывало определенное

психологическое отношение ко всем постсоветским странам со стороны Запада. Он ощущал себя победителем, что оказывало огромное влияние на выработку практических подходов в отношении постсоветских стран.

США и другие западные страны были заинтересованы в сохранении и укреплении политических суверенитетов стран Центральной Азии. Им была предложена общеполитическая поддержка, различные гуманитарные программы, ограниченная экономическая помощь и даже некоторое сотрудничество по линии военных. Но точно так же помогали и многим другим странам в мире. В целом в 1990-е гг. регион Центральной Азии не был большим приоритетом для США [1]. За двумя исключениями. Первое (ограниченное во времени) – это вывоз из Казахстана ядерного оружия и демонтаж соответствующей инфраструктуры. Второе (долгосрочное) – Каспийский регион. Доступ к углеводородным ресурсам Каспия, их вывоз на мировой рынок – это стало практическим интересом американского бизнеса, который получал серьезную политическую поддержку в этом вопросе. В самих США интерес к энергетическим ресурсам Каспийского региона одними специалистами формулировался в экономических категориях [2], другими – в более геополитических [3].

Но в любом случае США не видели необходимости придавать Центральной Азии какое-то

особое значение. Это был еще один регион на периферии мировой экономической и политической системы, куда нужно было обеспечить доступ американских компаний для разработки ресурсов, прежде всего углеводородных, и вывести их на мировой рынок. Это требовало политической поддержки, и поэтому регион нуждался в некотором внимании, но в целом для Центральной Азии не предусматривалось никакого особого места в “новом мировом порядке”, кроме того, какое место страны региона могли занять согласно своим объективным параметрам. Другими словами, Центральной Азии предстояло встраиваться в мировую систему на “общих основаниях”.

Совокупный западный финансово-экономический, интеллектуальный и научный потенциал был намного мощнее потенциала постсоветского пространства. Сложившийся во второй половине XX в. западный мир, куда вошли Северная Америка, Западная Европа, Япония и некоторые бывшие британские колонии, стал ядром сначала развитого индустриального, а затем и постиндустриального пространства, которое начало активно форматировать под свои интересы мировую политику и экономику на основе принципа глобального разделения труда [4]. Причем эта система разделения труда имела, скорее, не горизонтальную, а вертикальную, даже иерархическую структуру. Пробриться в ее верхние эшелоны (образно говоря, наверх экономических “пищевых цепочек”) без согласия Запада, его инвестиций, технологий и научных знаний, а также полной лояльности местных элит было практически невозможно.

К моменту распада Советского Союза эта иерархическая система уже в основном сложилась. В ней было высокотехнологическое и финансовое ядро (развитые страны, переходящие в постиндустриальную эпоху); индустриальные центры с дешевой рабочей силой, главным образом в Азии (Китай, Индия, “азиатские тигры”), и многочисленные поставщики сырья – из Азии, Африки, Латинской Америки – с различным уровнем экономического благосостояния.

Элементы советской технологической зоны, которые оставались на территории стран Центральной Азии, оказались не востребованы мировой экономической системой. Вне единого экономического пространства бывшего Советского Союза их научный и не сырьевой промышленный сектор быстро приходили в упадок [5]. Иностранцы инвесторы не интересовались научным и индустриальным потенциалом государств Центральной Азии. Вопреки

оптимистичным оценкам собственного потенциала в сравнении с теми же “азиатскими тиграми” и соседним Китаем (который, опираясь на свои дешевые трудовые ресурсы и пренебрежение к вопросам экологии, быстро превращался в 1990-е гг. в “мировую фабрику”) Центральная Азия для иностранцев выглядела менее конкурентоспособной.

В результате в 1990-е гг., на начальном этапе независимости, прошел стремительный процесс “утечки мозгов”, выезд научных и инженерных кадров из Центральной Азии, особенно представителей не титульных наций. Страны Центральной Азии оказались на мировой арене примерно в таком же положении, как десятки развивающихся государств. Перед странами с запасами минеральных ресурсов оставалась перспектива вхождения в сырьевой сегмент мирового разделения труда. Страны же, которые сырья не имели, оказывались перед перспективой экономической и научно-технической деградации, а также “торговли” своим геополитическим потенциалом.

Литература

1. Amy Myers Jaffe. Unlocking the Assets: Energy and the Future of Central Asia and the Caucasus. The James A. Baker III Institute For Public Policy Of Rice University. April 1998.
2. Fiona Hill. A Not-So-Grand Strategy: U.S. Policy in the Caucasus and Central Asia Since 1991. February 2001. Reprint on www.brookings.org of “Une stratégie incertaine: la politique des Etats-Unis dans le Caucase et en Asie centrale depuis”, published in French in *Politique étrangère*, Review of the French Institute of International Relations (IFRI), Paris // URL: <http://www.brookings.edu/research/articles/2001/02/foreignpolicy-hill> (проверено 31 мая 2016).
3. Оликер О. Политика США в ЦА: реформы и безопасность / О. Оликер // Большая Игра: политика, бизнес, безопасность в Центральной Азии. 2008. № 1 (7). С. 31–46.
4. Махмудов Р.Б. Кризис глобализации и проблемы развития стран Центральной Азии / Р.Б. Махмудов // Большая Игра: политика, бизнес, безопасность в Центральной Азии. 2014. № 6 (39). С. 40–51.
5. Сафранчук И.А. Евразийская интеграция как долгосрочный тренд для Центральной Азии в рамках мирового тренда регионализации / И.А. Сафранчук, В.А. Харченко // Вестн. КРСУ. 2015. № 12 (15). С. 110–113.